

Рю
МУРАКАМИ
69
роман

Перевод Александра Кабанова

НОВЫЙ ВЕК

Рю Мураками

69

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119651

69: Амфора; Москва; 2002

ISBN 5-94278-277-6

Аннотация

Как в российской литературе есть два Ерофеева и несколько Толстых, так и в японской имеются два Мураками, не имеющих между собой никакого родства.

Харуки пользуется большей популярностью за пределами Японии, зато Рю Мураками гораздо радикальнее, этакий хулиган от японской словесности.

Роман «69» – это история поколения, которое читало Кизи, слушало Джими Хендрикса, курило марихуану и верило, что мир можно изменить к лучшему. За эту книгу Мураками был награжден литературной премией им. Акутагавы. «Комбинация экзотики, эротики и потрясающей писательской техники», – писала о романе «Вашингтон пост».

Содержание

АРТЮР РЕМБО	4
ЖЕЛЕЗНАЯ БАБОЧКА	10
LADY JANE	15
ДАНИЭЛЬ КОН-БЕНДИТ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Рю Мураками

69

АРТЮР РЕМБО

В 1969 году из-за студенческих волнений были отменены вступительные экзамены в Токийском университете. «Beatles» выпустили «White Album», «Yellow Submarine» и «Abbey Road», а «Rolling Stones» издали свой самый популярный пласт «Honky Tonk Women». Длинноволосая молодежь, называвшая себя хиппи, восславляла любовь и мир. В Париже ушел в отставку де Голль. Продолжалась война во Вьетнаме. Школьницы старших классов еще не знали про гигиенические тампоны и использовали обычную вату.

Именно в 1969-м я закончил второй класс повышенной школы. Школа для подготовки к поступлению в университет находилась в маленьком городке с американской военной базой на западном побережье острова Кюсю. Я учился в классе с углубленным изучением естественных наук, поэтому у нас было только семь девочек. Хорошо, что хотя бы семь. В первом и втором классах у нас были только парни. Обычно в классах со специализацией по точным наукам и математике все девичьи уродины. К сожалению, в моем классе пять из семи были именно такими. Из двух оставшихся, одна – Мотидзуки Юко – была дочерью плотника и походила на куклу; ее интересовали только сборники математических задач и пособия по английскому языку в красных глянцевых обложках. Мы злословили, что манда у нее наверняка должна быть деревянной. Другую звали Нагата Ёко. Ее звали так же, как прославившуюся тремя годами позже предводительницу «Красных бригад». Только наша Нагата Ёко была красавицей и у нее не было базедовой болезни. Счастливчика, которому повезло в детском саду вместе с Нагата Ёко обучаться игре на электрооргане, звали Ямада Тадаси. Этот парень, имя которого писалось такими простыми иероглифами, что их знают даже ученики первого класса начальной школы, был настолько способным, что рассчитывал поступить на медицинский факультет Государственного университета. При этом он был настолько красив, что его имя гремело даже по другим школам. Он не был слащавым красавчиком, но привлекал своей грубоватостью. Возможно, на лицо Ямада Тадаси наложило отпечаток то, что он вырос в захолустье, не в городе, а в шахтерском поселке. Если бы употребляемые нами слова можно было считать диалектом, то Ямада говорил на «местечковом жаргоне» шахтерского поселка, используя уже давно позабытые в остальных частях Кюсю слова. И в этом была его беда. Если бы Ямада Тадаси окончил среднюю школу в городе, если бы играл на гитаре и при этом ездил на мотоцикле, разбирался в рок-музыке, а в кафе вместо риса с карри заказывал кофе со льдом, то мог бы добиться успеха. А если бы он еще тайком покуривал модную тогда марихуану, то у него отбоя не было бы от испорченных девиц.

Несмотря на эти недостатки, Ямада Тадаси был несомненным красавчиком. В то время мы звали его «Адама», поскольку он был похож на французского певца Сальваторе Адамо.

Меня зовут Ясаки Кэнсукэ. Все называют меня по-разному: Кэнсукэ, Кэн, Кэн-тян, Кэн-ян, Кэмбо, Кэн-кэн, но лично мне нравится, когда меня зовут просто Кэн. Я только близким друзьям позволял называть себя Кэн. Потому что мне очень нравился комикс под названием «МАЛЬЧИК-ВОЛК КЭН».

Была весна 1969 года.

В тот день я впервые сдавал экзамены для поступления в третий класс. Мои оценки оказались самыми плохими в классе. Последние три года мои успехи в учебе неуклонно ухудшались. Тому было много причин. Развод родителей, внезапное самоубийство старшего брата, мое увлечение Ницше, неизлечимая болезнь бабушки. Но все это были надуманные

причины. Я просто испытывал отвращение к учебе. В то время парней, которые стремились поступить в университет, называли НАЙМИТАМИ КАПИТАЛИСТОВ, что удобно оправдывало мое отношение к образованию. Движение «Всеобщая борьба» начало утрачивать свой запал, но все же ему удалось помешать нормальному функционированию Токийского университета.

Мы терпеливо выжидали, пока наступят какие-нибудь перемены. В тогдашнем настроении, в ожидании этих перемен, я не пытался подобрать себе университет, предпочитая покуривать марихуану.

В классе за моей спиной сидел Адама. Учитель велел собирать экзаменационные работы, начиная с последних рядов, и мне удалось увидеть ответы Адама. Их у него было на тридцать процентов больше, чем у меня. После экзамена я собирался помочь привести в порядок комнату для внеклассных занятий и решил пригласить с собой Адама.

– Слушай, ты знаешь «Cream»?

– Крим? Ты имеешь в виду «айс-крим»?

– «Cream» – это название английской группы. Ты что, ее не знаешь?

– Даже не слышал.

– Это никуда не годится! И еще одно имя ты должен знать.

– Должен? Почему?

– Тебе известен Рембо?

– Это тоже название группы?

– Болван! Болван, это поэт. Почитай! Держи!

И я протянул Адама сборник «ПОЭЗИЯ РЕМБО». Адама мог бы сказать: «Не надо!» – и отказаться. Но он начал читать вслух. И сейчас, вспоминая тот момент, я понимаю, что тогда судьба Адама круто изменилась.

Что это?

Ты заметил?

Там вдалеке

Море сливается с солнцем.

Через тридцать минут ходьбы от нашей школы мы уже стояли с Адама перед клеткой с гиббонами в Зоологическом саду. После экзамена мы, как обычно, съели ленч в комнате для внеклассных занятий, но прошло немало времени, и мы успели проголодаться. Поскольку Адама было далеко ездить из шахтерского поселка в школу, он снимал комнату в дешевом пансионе. Хозяйка пансиона каждый день выдавала ему коробочку бэнто с ленчем. У меня бэнто не было. Вместо бэнто я получал от матери 150 иен. Если такая сумма кому-то сейчас покажется маленькой, то виной тому инфляция последних пятнадцати лет. Моя семья была не слишком бедной. И в 1969 году 150 иен были приличной суммой. Ребята из бедных семей за 50 иен в день могли утолить голод, купив на 20 иен молока, на 10 булочку с фасолевым джемом и на 20 булочку с карри. Я же за 150 иен мог съесть миску лапши, выпить молока, купить булочки с карри, с дыней и с джемом.

Однако я довольствовался одной булочкой с карри без молока, а оставшиеся деньги копил. Будет неправдой сказать, что я копил их, чтобы покупать книги Сартра, Жене, Селина, Камю, Батайя, Анатоля Франса, Кэндзабуро Оэ. Деньги были нужны мне, чтобы приглашать в кафе разбитных девиц из женского училища Дзюнва, где процент КРАСОТОК достигал 20. В нашем городе имелись две обычные префектурные школы, готовящие к поступлению в университет, – Северная и Южная, префектурное индустриальное училище, городской коммерческий колледж, три частных женских школы и частная школа с совместным обучением. В таких маленьких городках, как наш, в частных школах учились только полные лоботрясы.

Моя Северная школа гордилась, что в ней самый большой в городе ПРОЦЕНТ ПОСТУПАЮЩИХ В УНИВЕРСИТЕТЫ. За ней следовала Южная школа. Индустриальное училище славилось своей бейсбольной командой. Девушки из коммерческого колледжа были особенно жирными. Среди девушек из католической школы Дзюнва, хотя форма была там обязательной, процент красавиц был особенно высок. Про девиц из частной школы Яманотэ говорили, что они любят мастурбировать при помощи радиоламп старого образца и из-за того, что те время от времени лопались, бедняжки получали травмы. Про девушек из частной химической школы просто почти ничего не было известно. Про мальчиков и девочек из частной совместной школы Асахи говорили, что, когда они качают головами, слышно поскрипывание.

Парни из Северной школы называли своих подружек из Английского театрального клуба – girl friends, девушек из Дзюнва в стандартных школьных формах – любимыми, а из японских школ, где нет обязательной формы, – любовницами, школьниц из Яманотэ просили показать следы от полученных травм, у девушек из химической школы и из Асахи просили деньги в долг. Это было совершенно естественно, но и сейчас, и в прошлом не проходило безупречно гладко. Ну а для решения насущных физиологических проблем приходилось на скорую руку искать какую-нибудь особу, которая позволила бы залезть ей в трусики. Поэтому и приходилось из выдаваемых мне 150 иен тратиться только на одну булочку с карри.

– Знаешь, куплю-ка я булочку с карри! – сказал я, стоя перед клеткой с гиббоном и глядя на бэнто Адама.

– Давай разделим мой ленч! – сказал Адама и действительно выложил половину на крышку бэнто и протянул мне. Адама купил автобусные билеты до Зоосада для нас обоих, и вообще, если бы не я, сейчас он со всей серьезностью мыл бы окна в комнате для внеклассных занятий. Меня должна была бы мучить совесть, что из-за меня он вынужден лишиться половины своего ленча, и, конечно, следовало бы вежливо отказаться, но я этого не сделал. Я принял свою долю и в три минуты проглотил ее, причем отметил, что он дал мне только один из трех пирожков с рыбным паштетом. Испытывая отвращение к его скаредности, я решил, что из него выйдет в будущем скорее ростовщик, чем врач.

Как влюбленные на пикнике при первом свидании, после ленча мы уже не знали, чем заняться. Разглядывание гиббонов успело надоесть. Набив брюхо, хорошо вздремнуть, но разве заснешь после половинки паршивого, дешевого завтрака! Ничего не придумав, мы начали болтать.

– Кэн-ян, а в какой университет ты пойдешь?

– Не называй меня Кэн-ян, говори просто Кэн. Мне не нравится, когда меня называют Кэн-ян.

– Понял! На медицинский факультет? Ты уже целый год об этом твердишь.

В школе я был известен по четырем причинам. Первая – осенью прошлого года, после теста для собирающихся поступать на медицинский факультет, я оказался триста двадцать первым из двухсот тысяч претендентов по всей Японии. Вторая – я был барабанщиком в рок-ансамбле, в репертуаре которого были песни «Beatles», «Rolling Stones», «Walker Brothers», «Procol Harum», «Monkes», «Paul Revere & Raiders» и многие другие. Третья – я выпустил три номера школьной газеты как редактор, не утвердив их у школьного начальства. В результате руководство постановило: ЗАПРЕТИТЬ И КОНФИСКОВАТЬ. Четвертая – на первом году обучения я был инициатором постановки пьесы о деятельности школьного союза, протестовавшего против захода в японские гавани американских ядерных подлодок, и собирався выступить на эту тему на выпускном вечере, но преподаватели этого не допустили. Меня считали странным типом.

– На медицинский я не пойду, я решил, что это не для меня.

- Значит, Кэн, ты собираешься на филологический?
- На филфак уж тем более не пойду.
- Тогда зачем ты читаешь столько поэзии и прочей литературы?

Поскольку Адама был сухарем, я не стал говорить ему, что делаю это, чтобы соблазнять девушек, которым нравится слушать, как я читаю им стихи.

– Вообще-то, поэзию я не люблю. Исключение – только Рембо. Сейчас всякий знает Рембо.

- Все знают?
- Ты не знаешь, что Рембо сильно повлиял на Годара?
- А... Годара знаю. Мы в прошлом году проходили его на уроках по истории мировой культуры.

- Истории мировой культуры?
- Это же индийский поэт?
- То был Тагор, а Годар – кинорежиссер!

Минут десять я рассказывал Адама про Годара. О том, что он один за другим создавал авангардистские фильмы в стиле «nouvelle vague», о великолепии последней сцены в «На последнем дыхании», об алогичной смерти в «Мужском и женском», о возмутительных купюрах в «Week-end». Разумеется, сам я не видел ни одного фильма Годара. В маленьком городке на западной оконечности Кюсю фильмов Годара не показывали.

- Литература, романы, мне кажется, что все это кончилось, умерло.
- Значит, теперь осталось только кино?
- Нет, кино тоже кончилось.
- Что же тогда осталось?

– ФЕСТИВАЛИ! Когда и кино, и театр, и даже музыка составляют одно целое! Понимаешь, что я имею в виду?

– Не понимаю...

О чем я действительно мечтал, так это устроить фестиваль. Уже само слово «фестиваль» меня возбуждало. Празднества, театр и кино, рок-концерты привлекут самых разных людей. Придут сотни девушек. Когда я буду стучать в барабаны, демонстрировать собственный фильм, исполнять главную роль в спектакле по своему сценарию – это увидят и школьницы из Дзюнва, и ученицы Английского театрального клуба из Северной школы, придут также любительницы радиоламп, придут вертихвостки из химической школы и будут осыпать меня деньгами и букетами цветов.

– Мне бы хотелось в этом городе устроить такой фестиваль, – вдруг сказал я на стандартном японском. – Адама, хочешь помочь мне?

В то время в Северной школе молодежь в основном делилась на три партии: «умеренную», «рокерскую» и «политическую». «Умеренная партия» была зациклена на выпивке, женщинах, табаке, драках и картежных играх, при этом они были связаны с якудза. Главным у них был Сирокуси Юдзи. «Рокеры», иначе именовавшие себя «Группой искусства», разгуливали по улицам с зажатými под мышкой «New Music Magazine», «Jimmy Hendrix's Smash Hits» или «Тетрадами по искусству», с распушенными длинными патлами, поднимая два пальца как символ "V" или выкрикивая: «Peace, peace!». «Политическая партия», в складчину с Освободительным движением «Сясэйдо» Нагасакского университета, снимала комнату, обклеенную портретами Мао Цзэ-дуна и Че Гевары, занималась распространением листовок; ее лидерами были Нарусима Горо и Отаки Рё. Кроме того, имелись и другие группировки: правые, почитавшие Кита Икки, общество любителей фольклора, группа мотоциклистов, литературная группировка, выпускавшая журнал «Додзиси», но все они были малочисленными и не могли поодиночке привлечь к себе особого внимания.

Я не принадлежал ни к одной из них, но мирно общался с представителями трех главных группировок. Я часто участвовал в совместных выступлениях с группой рокеров, у которых был свой ансамбль, или пил пиво с членами группы Сирокуси, или участвовал в агитационных диспутах, устраиваемых Нарусима и Отаки.

– А что такое фестиваль?

– Ну, по-японски – это будет праздник, омацури.

– Праздник?

Парнишка по имени Ивасэ из канцелярского магазина, который работал теперь в газете, все равно оставался парнишкой из канцелярского магазина. Мы ходили с Ивасэ в один класс. Он был ниже меня ростом и глупее; вырос в семье, где отец рано умер, и поэтому четырех детей воспитывала старшая сестра. Ивасэ испытывал страстную тягу к искусству. Ему очень хотелось стать другом парня, у которого отец художник.

Мы с Ивасэ постоянно мечтали о фестивалях. И я, и Ивасэ были постоянными читателями «Тетрадей по искусству» и «New Music Magazine» и поэтому страшно жаждали рок-выступлений и фестивалей в стиле хэппенинга. И на рок-фестивалях, и на хэппенингах бывали обнаженные девушки. Оба мы это предвкушали, хотя и не обсуждали.

И однажды Ивасэ сказал мне:

– Кэн-сан, давай подружмся с Ямада. Он симпатичный парень и хорошо учится. Если мы будем действовать совместно, может, у нас что и получится.

Я спросил его, почему он не считает меня красивым или способным к учебе, и Ивасэ трижды повторил:

– Конечно, конечно, конечно! О чем ты говоришь, Кэн-сан? Ты неверно меня понял! Если у тебя есть идея, это замечательно, но ты же ничего не делаешь? Я не хочу сказать, что тебя вообще ничего не интересует, но это только женщины, жратва, ну и тому подобное...

На втором году обучения мы с Ивасэ задумали снять фильм и, чтобы купить восьмимиллиметровую камеру, в течение двух лет копили нужную сумму. Мы складывали карманные деньги и сдачу, остающуюся от завтраков, и уже накопили 600 иен, но я угостил на них девочек из Дзюнва рисом с цыпленком и булочками с кремом на десерт. Все получилось именно так, как говорил Ивасэ.

Адама же действительно был красивым и хорошо учился, за что многие им восхищались, до второго класса он числился в баскетбольной команде. И в отношениях с членами команды, и в отношениях с девушками, и в финансовых вопросах у него все получалось.

В подготовке к фестивалю без Адама обойтись было невозможно.

После того как мы с Адама отошли от клетки с гиббонами, мы поднялись на башню обозрения. Солнце начинало клониться к морю.

– А все сейчас занимаются уборкой классной комнаты, – сказал он, с улыбкой глядя на залив.

Я улыбнулся в ответ. Адама вошел во вкус прогулов занятий. Он попросил еще раз показать ему сборник стихов.

Что это?

Ты заметил?

Там вдалеке

Море сливается с солнцем.

Адама прочитал эти строки вслух, глядя на солнечную полосу, поблескивающую над водной гладью, и попросил одолжить ему сборник. Я одолжил ему книгу вместе с альбомом группы «Cream» и еще одним альбомом – «Vanilla Fudge».

Так начинался 1969 год, третий по увлекательности среди прожитых мной тридцати двух лет. Тогда нам было по семнадцать.

ЖЕЛЕЗНАЯ БАБОЧКА

В 1969 году нам было по семнадцать лет. И все мы еще были ДЕВСТВЕННИКАМИ. В семнадцать лет не нужно ни гордиться, ни стыдиться, что ты девственник, но все равно это тяжкая ноша.

Предыдущей зимой, когда мне только что стукнуло шестнадцать, я ушел из дома. Причина была в том, что меня не устраивала система вступительных экзаменов в университет, и мне захотелось уйти из дома и из школы, чтобы подумать об этом, а также понять смысл вспыхнувшей тогда борьбы между экстремистской студенческой группировкой «Дзэнгакурэн» и авиакомпанией «Энтерпрайз». Но это будет неправдой: на самом деле мне не хотелось принимать участие в школьном забеге на длинные дистанции. Долгие забеги всегда были для меня невыносимыми. Я ненавидел их со средней школы. Разумеется, и сейчас, когда мне уже тридцать два, я их ненавижу.

И дело вовсе не в том, что я был каким-то слабаком. Просто иногда мне вдруг хотелось не бежать, а идти, и тогда я прекращал бег. И причина была не в том, что начинало колоть в боку, появлялась тошнота или головокружение, просто я испытывал легкую усталость и хотел немного пройтись пешком. На самом деле объем легких у меня был не хилый – более 6000. После поступления в повышенную школу меня вместе с двенадцатью-тринадцатью одноклассниками определили в секцию легкой атлетики. Тренером этой секции был молодой парень, только что окончивший физкультурный колледж. Он был одним из шести молодых преподавателей физкультуры, принятых на работу, чтобы подготовит нас к Общенациональным состязаниям, которые через два года планировалось провести в префектуре Нагасаки. Один из них преподавал дзюдо, другой – гандбол, третий – баскетбол, четвертый – метание снарядов, пятый – плавание, а еще один – легкую атлетику. Потом, когда в 1969 году был провозглашен лозунг «Нет – Общенациональным состязаниям!», все они стали козлами отпущения и мишенями для нападок. В свою очередь, и они нас тоже ненавидели.

У Кавасаки, тренера по легкой атлетике, имелась бронзовая медаль по бегу на пять километров в Общепонском чемпионате. Он был похож на Ринкэ Санхэя и, когда мы собирались в зале, говорил нам следующее:

– У вас для пятнадцати лет мощные легкие. Я хочу сколотить из вас сильную команду. Разумеется, я не могу принуждать вас силой, но хочу сделать из вас чемпионов, потому что вы прирожденные бегуны на длинные дистанции.

Приятно было узнать, что у меня от природы сердце и легкие пригодны для бега на длинные дистанции.

После зимних каникул все наши спортивные занятия свелись к подготовке к общешкольному забегу. Целый год Кавасаки подвергал меня всяческим унижениям. Поскольку я часто с бега внезапно переходил на шаг, Кавасаки называл меня «мусорным мешком».

– Послушай, – говорил он, – бег – это не только главный вид спорта, но и основа всей человеческой деятельности. Жизнь человека часто сравнивают с марафоном. У тебя, Ядзаки, объем легких составляет 6100 кубических сантиметров, а ты сходишь с дистанции и перестаешь бежать. Ты – просто мешок с отбросами.

И хотя мне было только пятнадцать лет, допустимо ли тренеру называть кого-либо мусорным мешком или отбросом общества? Разве преподаватель вправе употреблять такие слова? Но я немного понимал настроение Кавасаки. В конечном счете, пробежав пятьсот метров, я плелся с разными слабаками и трепался с ними о «Beatles», девчонках и мотороллерах, и, когда до финиша оставалось метров пятьдесят, я снова делал рывок и приходил к финишной прямой, даже не запыхавшись.

– Я плохо тебя воспитывала, – до сих пор любит повторять моя мать, в военное время познавшая страдания в Корее.

Когда стало совсем невыносимо, я решил с этим покончить. Она считает, что, как только передо мной возникают какие-то преграды, я ухожу в сторону. Стараюсь найти более приятный, более легкий выход, плыть по течению куда угодно. К великому прискорбию, я вынужден с ней согласиться.

Тем не менее в первый год обучения я принял участие в забеге на длинную дистанцию. Мы бежали от школьных ворот через гору Эбоси, потом обратно, что составляло семь километров. Я вместе с разными слабаками и недоделками молча поднимался пешком по горному склону до конечного пункта, когда мимо нас промчались девчонки, стартовавшие пятью минутами позже. Когда мы неторопливо прибежали обратно в школу, большинство остальных участников лежали, завернутые в одеяла, были доставлены в медпункт или дрожащими руками сжимали чашки с подслащенным кипятком. Я пришел к финишу, насвистывая мелодию «A Day in the Life», оказался 598-м из 662 участников, и теперь не только Кавасаки, но и все прочие учителя решили, что я – «мешок с отбросами».

Для такого ЛЕГКО РАНИМОГО «РЕБЕНКА», КАК Я, повторение столь же неприятного опыта казалось невыносимым, и поэтому зимой на втором году обучения в шестнадцать лет я ушел из дома.

Я снял с банковского счета около трехсот тысяч иен сбережений и отправился в Хаката, крупный город на острове Кюсю. Мне хотелось не только избежать очередного марафона, но и решить еще одну задачу.

Мне хотелось распрощаться с девственностью.

Сразу по прибытии в Хаката я зарегистрировался в отеле авиакомпании, надел куртку в стиле Джорджа Харрисона и тотчас отправился на улицу. Я брел по аллее мимо деревьев с опавшими листьями и напевал «She's a Rainbow».

– Эй, парень, – донесся женский голос. Бледно-фиолетовое вечернее небо бредило мне душу. Голос принадлежал японке, сильно похожей на Марианну Фэйфул и сидящей за рулем серебряного «Ягуара-Е». Дама поманила меня пальчиком, открыла дверцу «Яга» и вежливо спросила, не хочу ли я сесть в машину и составить ей компанию. Запах ее духов ощущался издали. Женщина рассмеялась и сказала, что она работала в столице манекенщицей высшего класса, но после одного скандала была вынуждена уехать сюда и теперь подрабатывает в престижном клубе «Кактус».

– И тут у меня завелся клиент – якудза, владелец лесопильной мастерской в Кумамото, – который начал меня обхаживать. Я ничего против не имею, но больно уж прилипчивый старикашка! В деньгах я особо не нуждаюсь, поэтому сказала, что у меня есть младший брат, у которого больное сердце и никого, кроме меня. На самом деле никакого брата у меня нет, но сегодня настал день, когда я должна показать кого-то вместо него... Я сказала, что брат придет всего на один день.

Нечего и говорить, что при виде серебристой лисы на ее плечах, яркого маникюра и мини-юбки, обнажающей длинные, стройные ноги, я немедленно согласился. Вместе с этой женщиной я поехал к зданию на берегу реки, где на седьмом этаже находилась контора этого якудза. Он оказался здоровенным мужиком с бычьей шеей, лет шестидесяти, а под ним работали семь молодых парней, некоторые с татуировками. «У твоего брата слишком хороший цвет лица для человека с больным сердцем», – сказал якудза. Потом он ударил себя в грудь и заявил: «Положись на меня, я устрою для него операцию». – «Мы не нуждаемся в деньгах, и моя сестра не собирается быть вашей любовницей», – сказал я. «Что это значит?» – взъярились подручные, и двое из них достали из-за пазухи ножи. «Если вы собираетесь убивать, то вначале убейте меня!» – крикнул я и загородил ее своим телом. Потом я начал плести всякую чушь. О том, что наши родители развелись и мы воспитывались у бабушки, а после того, как

четыре года назад бабушка умерла, мы с сестрой остались одни на этом свете и поклялись всегда держаться вместе в надежде, что когда-нибудь нам улыбнется счастье. Якудза был человеком сентиментальным, и от моих слов у него потекли слезы. «Твоя взяла», – пробормотал он. После того как мы вышли из конторы якудзы, воодушевленная женщина предложила вместе поужинать. Это был полноценный ужин во французском ресторане. «Хотя ты еще несовершеннолетний, но немного можно», – сказала она, наливая мне красное вино. Затем она привела меня к себе домой. Это была просторная однокомнатная квартира, какие я часто видел в кино, с огромной кроватью в центре комнаты. «Я быстренько приму душ», – сказала женщина и исчезла в ванной. «Будь спокоен, будь спокоен!» – говорил я себе, не зная, что предпринять, и только ждал, расстегивая и застегивая молнию на джинсах. Наконец она вышла в черной сорочке, сквозь которую просвечивали груди. «Я так тебе благодарна, что полностью отдаюсь тебе. Более того, я так счастлива, что хочу подарить тебе „Яг“». Он тебе очень подойдет», – сказала она. Такую историю я сочинил для приятелей, когда вернулся домой. На самом же деле все было иначе.

По прибытии в Хаката я первым делом отправился посмотреть порнофильм с тремя сюжетами. Съев миску лапши и китайские пельмени, пошел посмотреть стриптиз. Когда поздно ночью я вышел из этого маленького заведения и брел по берегу реки, раздался голос старой сутенерши: «Эй, малыш, не хочешь облегчиться?» Я выдал старухе три тысячи иен, и она проводила меня в грязную гостиницу. Там меня поприветствовала другая старуха с черными кругами вокруг глаз, как у барсука. Глядя на ее жирный барсучий живот, я вспомнил о своей матери, которая, возможно, плачет, волнуясь за меня. Я и сам едва не расплакался, но совсем не из-за того, что мне предстояло расстаться с девственностью. Барсучиха повела меня за собой и раздела. Видимо, ей хотелось как можно скорей закончить, но у меня не вставал. Барсучиха была не из тех, на которую бы у меня мог встать. «Ничего не получается, – сказала барсучиха, – я раздвину ноги, ты будешь смотреть и сам себя возбуждать». Такое я увидел впервые. Не слишком соблазнительно. Я попросил барсучиху уйти, и на прощание она потребовала у меня десять тысяч иен. В подавленном состоянии я вышел из гостиницы и снова побрел вдоль реки. Я потратил уже половину своих денег, поэтому решил переночевать не в гостинице, а на вокзале в зале ожидания. У похожего на клерка мужчины в костюме и при галстуке я спросил, в каком направлении находится вокзал. Когда я сказал ему, что собираюсь переночевать там, он предложил остановиться на ночь у него. Я был настолько расстроен, что обрадовался проявленной этим мужчиной любезности и пошел с ним. Мужчина предложил мне гамбургер, но, разумеется, я сразу понял, что он педик. То, что начало происходить, не на шутку меня испугало. Я достал из сумки походный нож и вонзил его в стол. Только что он трогал меня в промежности, твердил: «Ты не против, не против?», пытался поцеловать меня в губы, но, увидев нож, задрожал. Тогда я решил, не попробовать ли вернуть тринадцать тысяч иен, заплаченных старухе и барсучихе (и еще четыре тысячи за гостиницу), но в этот момент мне страшно приспичило помочиться. ЭЙ! ГДЕ ТУТ ТУАЛЕТ? – спросил я. Трудно представить более нелепый вопрос из уст человека с ножом в руке. Как только зашел в туалет, я услышал, что мужчина выскочил за дверь. Писая, я подумал: «А не будет ли это считаться вооруженным ограблением?» – и решил, что скоро он вернется в сопровождении полицейских. «Нужно срочно бежать», – подумал я, но, как всегда бывает в подобных случаях, струя мочи не иссякала. Выскочив из квартиры педрилы, я бросился бежать. Я ушел из дома, чтобы не участвовать в марафонах, а теперь сломя голову несся по улицам. Ни на каких соревнованиях я так не бегал. Я мчался быстрее и дольше, чем требуется на любом забеге. Пока я бежал, начало светать. Передо мной оказался большой общественный парк. Я направился туда, выпил воды и прилег отдохнуть на скамейку в ожидании рассвета. Я решил, что согреюсь под лучами солнца и почувствую себя лучше. Дожидаясь восхода солнца, я задремал. Проснулся я оттого, что солнце мягко касалось моих щек, а в

уши проникал какой-то резкий звук. Сквозь белый утренний туман, висевший над парком, виднелась маленькая сцена, на которой несколько длинноволосых парней настраивали свои инструменты. На сцене не было ударника, только акустические гитары с прикрепленными к ним микрофонами, значит, это был фолк-ансамбль. На площади перед станцией Синдзюку в то время часто происходили выступления фолк-ансамблей, и даже на Кюсю песни в стиле фолк становились все более популярными. Понемногу стала собираться публика. Это была настоящая фолк-музыка. Когда утренняя дымка стала рассеиваться, они начали свой концерт. Длинноволосый парень с бородой и в грязном свитере пел песни Такаиси или Окабаяси Нобуясу и Такада Ватару. На сцене висел плакат «Мы представляем Комитет префектуры Фукуока за мир во Вьетнаме». Я терпеть не мог фолк-музыку. И мне совсем не нравился Комитет за мир во Вьетнаме. Я жил в городе, где существовали американские базы, и я прекрасно знал, насколько сильны и богаты американцы. Для старшеклассника, который ежедневно слышал рев «Фантомов», звуки фолк-зонгов казались слабым пуканьем. Когда все принялись ритмично хлопать в ладоши, я смотрел на них издали, бормоча: «Идиоты!» В промежутках между песнями они произносили речи и кричали: «Америка, руки прочь от Вьетнама!» В средней школе у нас была девушка по имени Масуда Тиёко, которая стала проституткой. Она получала премии в Клубе каллиграфии, казалась серьезной девушкой. Когда я был во втором классе средней школы, то получил от Масуда Тиёко любовное письмо, она написала, что хочется переписываться со мной, сообщила, что ей нравится Гессе и она была рада, когда на каком-то классном собрании услышала, что я тоже люблю Гессе и что было бы здорово, если бы мы могли в письмах обсуждать его книги, но я был заиклен на другой девочке и не ответил ей. Когда я был уже в первом классе повышенной школы, то однажды встретил Масуда Тиёко. С крашеными волосами и сильно намазанным лицом, она шла под руку с черным американским солдатом. Мы встретились глазами, но Тиёко сделала вид, что не заметила меня. Возле моего дома тоже жили проститутки, и я неоднократно видел, как они занимаются сексом с американскими военнослужащими. Я пытался представить, отсасывает ли Масуда

Тиёко у черных американских солдат, как это делают другие шлюхи. Мне было трудно понять, как она могла променять занятия каллиграфией и увлечение Гессе на члены черных солдат. Когда я слышал эти вшивые антивоенные зонги во славу «Комитета за мир во Вьетнаме», мне хотелось убежать, но я чувствовал себя усталым и не знал, куда пойти. Тихо ворча по поводу исполнителей фолк-зонгов, я заметил, что рядом стоит девушка, которая нюхает из пластикового пакета растворитель для красок. «Тебе не нравится фолк?» – спросила меня РАСТВОРИТЕЛЬНИЦА. «Не нравится», – ответил я. «Меня зовут Ай-тян», – сказала растворительница с несколько недовольным лицом. Мы беседовали с ней о «Железной бабочке», «Динамите» и «Procol Harum». И вдруг Ай-тян, глаза у которой заблестели, потянула меня за руку, заставила встать и потащила за собой. Ай-тян сказала, что была парикмахершей и мечтала поехать в Америку, чтобы увидеть «Grateful Dead», но, получая квитанции о зарплате, она поняла, что никогда не сможет накопить денег на поездку в Америку, и вместо этого стала уличной шлюшкой. В кафе мы выпили по крем-соде, в рок-кафе послушали песни «Doors», в столовой универсама съели по порции тэмпура и удон, чтобы убить время. Потом мы пошли на дискотеку, но нас туда не пустили, сказав, что таким бродяжкам, как я и Ай-тян, вход туда закрыт. Ай-тян сказала, что мы можем заняться этим у нее дома. Я решил, что несколько неуклюжая любительница рока, нюхательница растворителя будет идеальной, чтобы лишить меня невинности. Если бы я связался, скажем, с девчонкой из Английского театрального клуба в Северной школе, она, вероятно, сразу захотела бы меня на себе женить; барсучиха же была слишком отталкивающей. Дом Ай-тян находился на самой окраине в районе Котай. Это был настоящий дом, который мне показался немного странным, и оттуда сразу выскочила ее мама. По лицу у нее текли слезы, и она начала причитать о школе, о детях,

которые ее бросают, о паршивой работе социальных служащих, о фирме папы, о соседях, о самоубийствах. Ай-тян не обращала внимания на крики матушки и хотела затащить меня внутрь, но тут в дверях вдруг появился огромный парень и так злобно уставился на меня, что я попятился. Парень вырвал у Ай-тян пластиковый пакет и ударил ее по щеке. Потом он злобно крикнул мне: «Убирайся отсюда!» Я последовал его совету и свалил. «Извини», – сказала Ай-тян, пожимая мне руку на прощанье.

После этого мне уже не хотелось оставаться в Хаката. Через Кумамото я отправился в Кагосима, сел на корабль и поплыл на острова Амами-Осима. Я все еще оставался девственником. Хуже всего было то, что через две недели, когда я решил вернуться в школу, оказалось, что марафон еще не проводился, поскольку был отложен из-за дождей.

Поэтому в свои семнадцать лет я оставался безупречно девственным. Но был один семнадцатилетний парень, который с легкостью общался

с девушками. Это был Фукусима Киёси, басист из рок-ансамбля «Coelacanth», где я был ударником. Мы звали его Фуку-тян. Хотя ему было только семнадцать, выглядел он как зрелый парень, и при этом крепко сложенный. В течение полугода мы оба были с ним в команде по регби; Клуб регбистов находился рядом с Клубом легкоатлетов. Во втором классе был учащийся, известный тем, что победил на префектурных соревнованиях в забеге на стометровку. Однажды мы с Фуку-тян повстречали его перед клубом «Battaille». Так как Фуку-тян выглядел на двадцать лет, спринтер, считая его старше себя, склонился и поприветствовал его. Фуку-тян это показалось забавным, и он сказал: «Ну как, бегаешь все быстрее?» – «Да, стометровку за десять и четыре десятых», – вытянувшись по струнке, ответил спринтер. Мы потом долго хохотали, но впоследствии, когда выяснилось, что мы были из младшего класса, он и другие старшеклассники из Клубов регби и легкой атлетики здорово поколотили Фуку-тян. Фуку-тян был славным парнем, когда я спрашивал его, как ему удается клеить девиц, он всякий раз отвечал: – ПРОСТО ГУБУ СЛИШКОМ НЕ РАСКАТЫВАЙ.

Для раскрутки нашего музыкального фестиваля я решил предварительно снять фильм. К нам присоединился Адама и удивил меня тем, что добыл восьмимиллиметровую видеокамеру «Bell & Howell». Он опросил учащихся младших классов, нет ли у кого-нибудь из них восьмимиллиметровой камеры, и с помощью Сирокуси Юд-зи одного из них угрозами заставил отдать ее. Следующим шагом было подыскать ведущую актрису. Я настоял на том, что это может быть только Мацуи Кадзуко. Адама и Ивасэ хором заявили, что это не удастся. Мацуи Кадзуко, известная под кличкой «Леди Джейн», была красоткой, известной и в других школах города, и к тому же членом престижного Английского театрального клуба.

LADY JANE

Производство видеофильмов вошло в моду после того, как учащиеся одной токийской повышенной школы утерли нос всем ветеранам авангардного кино и завоевали гран-при на Кино-бьеннале. Все считали создание фильмов делом ЛЕГКИМ и при этом самым прогрессивным видом искусства. Как это ни странно, ни я, ни Ивасэ, ни Адама не видели ни одного из самостоятельных подпольных фильмов, но сами мечтали снять такой. Это напоминало ожидание французами во времена фашистской оккупации высадки американских солдат, которых до того никогда не видели.

– Хорошо, так и поступим. Согласны? – сказал я. – Мы не будем придерживаться импровизационной манеры Годара. Мы напишем сценарий и сделаем его мутноватым в стиле Кеннета Анджера, а работа камеры будет как у Йонаса Мекаса.

Адама и Ивасэ слушали и согласно кивали, хотя на самом деле никто из нас не знал, какой именно фильм мы собираемся снимать. Подобно девочкам, просто желающим влюбиться, мы также – просто хотели сделать какой-нибудь фильм.

Прекрасным днем в конце апреля мы с Адама с бьющимися сердцами отправились посмотреть репетиции в Английском театральном клубе. Красавицы, составляющие гордость Северной школы, собрались для исполнения пьесы Шекспира, рассчитывая получить первое место на театральном конкурсе Кюсю.

У входа в аудиторию уже собралась толпа учащихся мужского пола. Большинство принадлежало к фракции «умеренных», а в самом центре толпы стоял Сирокуси Юдзи, с расстегнутым воротником, в широких штанах и сандалиях из змеиной кожи.

С первого года учебы в нашей школе Сирокуси Юдзи был влюблен в Мацуи Кадзуко. Почему парни такого бандитского вида всегда влюбляются в первых красавиц? Но, следует отдать должное Мацуи Кадзуко, она не отвечала ему взаимностью.

Заметив нас, Сирокуси махнул рукой:

– Что ты здесь делаешь, Кэн-ян?

– Да, знаешь ли, решил немного подучить английский, – солгал я.

Сирокуси вдруг стал серьезным и сказал:

– Врешь!

Почему эти бандитские типы всегда безошибочно угадывают, если нормальный парень врёт?

– Кого ты здесь хочешь увидеть? Юми? Масако? Миэко? Саико?

В Английском театральном клубе действительно имелось несколько известных красоток. Мы с Ивасэ и Адама переглянулись. И тут до Сирокуси дошло.

– Помолчи... Надеюсь, не мою малышку Кадзуко?

– Именно ее, но не ради того, о чем ты подумал.

Как только я произнес эти слова, Сирокуси выхватил из кармана нож и уколол меня в бедро. Заорав: «Врешь!», он схватил меня за ворот.

– Если протянешь лапы к Кадзуко, у тебя все равно ничего не выйдет, Кэн-ян, – угрожающе сказал Сирокуси, но когда Адама велел ему прекратить, он отпустил меня и начал улыбаться, повторяя: «Только шутка, шутка».

Адама объяснил ему, в чем дело.

– Ты ошибаешься, Юдзи. Кэн собирается снимать фильм. Помнишь ту восьмимиллиметровую камеру, которую мы получили от пацана? Она для фильма и была нужна.

– Фильм? Ну и что? Какое это имеет отношение к Кадзуко?

– Дело в том, что мы хотим пригласить Мацуи Кадзуко на главную роль, – вторгся внезапно я на СТАНДАРТНОМ ЯПОНСКОМ.

– Юдзи, впервые за всю историю существования Северной школы ее ученик снимает фильм. По-твоему, кто еще может быть ведущей актрисой? Если нам не удастся уговорить Мацуи Кадзуко, кто тогда будет играть главную роль? – миролюбиво сказал Адама.

Лицо Сирокуси вдруг просветлело.

– Да, вы правы. Кто еще, кроме Кадзуко...

– Согласен? Если Кэн не увидит ее, как он сможет составить о ней правильное мнение?

После этих слов Адама Сирокуси несколько раз кивнул, взял меня за руку и сказал:

– Я все понял. Но постарайтесь снимать ее так, чтобы она выглядела не хуже Асаока Рурико.

Он пробрался сквозь толпу, пихая собравшихся в спины, чтобы освободить для нас проход. Сирокуси воодушевила идея, что Кадзуко станет звездой нашего фильма. Он громко распинался о том, что ведущим певцом будет Иси-хара Юдзиро, Мацуи Кадзуко будет исполнять роль водителя автобуса, выросшей в детдоме, а ему самому хотелось бы сыграть крутого. Наблюдая за всем этим, Адама прошептал мне на ухо: «Кэн, так не пойдет! Я уверен, что, если Мацуи Кадзуко увидит состав участников, она откажется сниматься». Если бы Кадзуко увидела нас в этот момент с Сирокуси, тупо повторяющим: «Кино, кино, кино, кино...», она бы нас прокляла вместе с Сирокуси. Адама прекрасно это понимал. Почему-то она на дух не переносила Сирокуси.

– Кэн, почему бы тебе самому не пойти и не проверить? Вероятно, Кадзуко сейчас в комнате за сценой.

– О чем ты говоришь? Там же будут одни девчонки!

– Ты все еще в Клубе журналистики?

– Да.

– Не можешь сказать, что пришел для сбора материала для публикации?

Тогда я один отправился в святая святых, где находились красотки Английского театрального клуба.

Когда я оглянулся, то увидел, что все в аудитории жестами поддерживают меня. Некоторые махали ученическими фуражками с криками: «Давай, Кэн!» Тем временем Адама пытался успокоить Сирокуси, который порывался пойти за мной следом.

В комнате стоял запах цветов. Хотелось запеть «Daisy Chain» группы «Tigers». Цветущие девушки среди цветочных ароматов упражнялись в English. Я не знал, с чего начать: «Э-э», «Извините» или «Добрый день», – но чувствовал, что это с самого начала будет проигрышем. Я пытался подобрать подходящие слова, но в голову ничего не приходило. Когда я уже собирался выдать что-нибудь по-английски, появился преподаватель Ёсиока, курирующий Английский театральный клуб. Неприятный тип средних лет с напыженными волосами, гордившийся тем, что он всегда носит английский костюм.

– В чем дело? – спросил он, подразумевая: что ты осмеливаешься делать в этой комнате, в святая святых?

– Я из Клуба журналистики. Меня зовут...

– Кажется, Ядзакки? Я тебя знаю. Разве я не преподавал в вашем классе грамматику?

– Совершенно верно.

– Как ты можешь говорить «совершенно верно», если тебя никогда не было на занятиях?

«Влип!» – подумал я. Никак не мог предположить, что здесь появится этот учитель и начнет разговаривать таким тоном. Мое положение было более чем уязвимым. Сколь бы мерзким он ни был, но я знал, что он никогда не ударит ученика, и спокойно прогуливал почти все его занятия. Я пропустил и зачетный экзамен после первого семестра. Он пристально смотрел на меня сквозь очки в черной оправе.

– Ну, и зачем ты сюда явился? Не рассчитывай, что сможешь поступить в Английский театральный клуб.

Из комнаты донесся звонкий смех. Красавицы слышали наш разговор. Теперь я уже не мог отступить.

– Я пришел собрать материал для статьи.

– Какой еще материал?

– О ВОЙНЕ ВО ВЬЕТНАМЕ.

– Мне про это ничего не известно. Знаешь, как положено это делать? Вначале ты получаешь разрешение у куратора Клуба журналистики, потом учитель беседует со мной, и если я соглашаюсь, то даю согласие. Сам ты ничего не можешь предпринимать.

Не только в Токио, но и на Кюсю журналистские клубы при старших классах превратились в источники смуты. Членам других клубов не разрешалось поддерживать с ними отношения. Школьное начальство больше всего боялось, что ученики могут создать свою организацию. Дошло до того, что даже собранные и подготовленные материалы мы были обязаны отдавать на проверку нашему куратору. Устраивать свои собрания нам вообще запрещалось. Совет учащихся одобрил такую систему. Дирекция использовала послушный совет учащихся, чтобы создать видимость, что ученики имеют право самостоятельно принимать решения.

В сущности, такой могла бы быть тюрьма или колония под контролем военных властей. Блевать от этого тянуло.

– На самом деле, я пришел сюда не для сбора материала.

– Тогда зачем же?

– Мне нужно кое с кем поговорить.

– Помилуй! Ты разве не видишь, как мы все заняты? Ни у кого нет даже минуты свободной!

Из комнаты, где девочки разбирали текст английской пьесы, донеслось хихиканье. Половина из них не обращала на нас с Ёсиока никакого внимания, другая же половина с интересом наблюдала за происходящим. Мацуи Кадзуко пристально смотрела на нас, прижав карандаш к щеке. Глаза у нее были, как у олененка Бемби. Ради таких глаз мужчина готов идти в бой.

– Как это глупо, – щелкнув языком, сказал я.

– Что значит «глупо»? – удивился Ёсиока.

– Ваш Шекспир – глупость. Сэнсэй, ведь во Вьетнаме ежедневно гибнет несколько тысяч людей, а у вас – Шекспир.

– Что?

– Посмотрите в окно на эту гавань. Ежедневно из нее vyplывают американские военные суда, чтобы убивать людей.

Ёсиока растерялся. Провинциальные учителя не знают, как вести себя с радикальными учениками. Обычный учитель просто вlepил бы затрещину, но этот был не таков.

– Я сообщу об этом учителю, курирующему Клуб журналистики.

– Сэнсэй, а вам нравится война?

– О чем ты говоришь?

Ёсиока пережил войну и, вероятно, сильно настрадался. Он изменился в лице. Упоминание о войне очень удобно: всегда выручает в спорах с преподавателями. Учителя не могут возражать, поскольку им положено говорить, что война была злом. Поэтому они стараются избегать этой темы.

– Уходи, Ядзаки, мы очень заняты.

– Так вы против войны?

Ёсиока был любителем искусств, не слишком крепкого телосложения, – не знаю служил ли он в регулярной армии. Если он и был в армии, то наверняка все над ним там издевались.

– Если вы против войны, то будет трусостью не выступить против нее.

– Но какая между этим связь?

– Большая. Американцы используют наши базы, чтобы убивать людей.

– Вас не должен волновать этот вопрос.

– А кого он должен волновать?

– Ядзаки, ты поступишь в университет, поступишь на работу, женишься, заведешь детей, станешь взрослым – тогда об этом и выскажешься.

Болван! О чем я ВЫСКАЖУСЬ?

– Значит, нельзя быть против войны, пока ты не стал взрослым? А разве в войну дети не умирали? Разве старшеклассники не умирали?

Лицо Ёсиока побагровело. В это время мимо проходил тренер Клуба легкой атлетики Кавасаки, а с ним – Аихара из Клуба дзюдо. Я их не заметил. Я говорил, что не выступать против каких-то действий равнозначно их одобрению, а как же может преподаватель одобрять убийство людей? Я стоял лицом к Ёсиока и обвинял его, и в этот момент Аихара схватил меня за волосы и, трижды ударив по лицу, бросил на пол. «Ядзаки-и-и-и-и!» – прокричал Аихара. Он был тупым выпускником националистического колледжа. Но при этом он был тем парнем с деформированными ушами, который однажды победил в общенациональных соревнованиях по дзюдо в среднем весе. «Вста-а-а-а-нь!» – закричал он. «Зачем нужно было сбивать меня с ног, чтобы потом требовать подняться?» – пронеслось у меня в голове. Но, под впечатлением от деформированных ушей и расплющенного носа, я с трудом поднялся. «Засранец, как ты смеешь так разговаривать с преподавателем?» – Он снова влепил мне пощечину. Ладони у него были настолько толстыми и твердыми, что удар был не хуже, чем кулаком. «Такие, как Ядзаки, только ртом хорошо работают. От марафона он уклонился, но языком шевелит бойко», – это уже шутил Кавасаки. У меня на глаза навернулись слезы: зачем ему понадобилось в такой момент еще припоминать марафон? Кадзуко за всем этим наблюдала, и я понимал, что, если заплачу, все будет кончено. Я не заплакал. Аихара ухмылялся. Он был выпускником такого паршивого колледжа, что ему доставляло истинное удовольствие лупить учеников вроде меня. Сирокуси Юдзи и его приятелям тоже часто доставалось от Аихары. Во время занятий дзюдо он зажимал их в замок, бил по яйцам, бросал о стену, таскал за уши или сбивал ударом ноги. Однако тренер он был действительно хороший. Снова схватив за волосы, он потащил меня в преподавательскую. Сирокуси, Адама, и Ивасэ ошеломленно провожали нас взглядами. «Только не говорите мне... не говорите, что он собирался напасть на Кадзуко...»

В преподавательской меня на целый час поставили в угол. Самое неприятное было то, что каждый учитель, проходя мимо, спрашивал, в чем я провинился, и я снова и снова должен был все объяснять. Куратор Клуба журналистики и декан факультета были вынуждены извиняться перед Ёсиока, Кавасаки и Аихара. Два преподавателя краснели из-за меня.

А мне так и не удалось поговорить с Мацуи Кадзуко.

К Адама пришел парнишка, у которого мы позаимствовали восьмимиллиметровую камеру. Его звали Масугаки Тацуо. Мы с Адама смеялись над таким неприличным именем, как Масугаки, но он оказался парнем решительным. Он входил в политическую группировку, возглавляемую Нарусима и Отаки, и пришел с заявлением, что не одолжит камеру, если она не будет использована для целей политической борьбы. Адама пытался его убедить, что если темой нашего фильма не будет непосредственно политическая борьба, то можно будет отразить ее другими способами, например в символистских сценах в духе Годара. Но

Масугаки сказал, что эти вопросы мы должны обсудить с руководителями группы, Нарусима и Отаки, после чего удалился.

– Доброе утро! – раздался звонкий голос.

Я шел в школу, остановился на склоне холма перед самым зданием и, обернувшись, увидел, что там стоит олененок Бемби – Мацуи Кадзуко. По телу у меня пробежала дрожь.

– А, доброе утро, – ответил я с улыбкой, обнял ее за плечи и погладил по волосам. У меня не было слов.

– Ядзаки-сан, вы на автобусе? – спросила она, интересуясь, как я добираюсь до школы.

– Нет, пешком. А ты?

– Автобусом.

– Они же битком набиты.

– Да. Но я привыкла.

– Кстати, кто дал тебе кличку «Леди Джейн»?

– Один старшекласник.

– Это из песни «Роллингов»?

– Ага. Я когда-то любила эту песню.

– Хорошая мелодия. Тебе нравятся «Роллинги»?

– Я не слишком хорошо их знаю. Мне больше нравятся Боб Дилан и «Beatles». Но больше всего я люблю Саймона и Гарфанкела.

– Неужели? Мне они тоже нравятся.

– Ядзаки-сан, а у вас нет их пластинок?

– Конечно есть. «Wednesday Morning 3 a. т.», «Parsely, Sage, Rosemary & Thyme» и еще «Homeward Bound».

– А «Bookends» нет?

– Есть.

– А нельзя ее одолжить?

– О чем речь!

– Как здорово! На этой пластинке мне больше всего нравится песня «At the Zoo». Классная мелодия, правда?

– Да, высший класс.

Я уже прикидывал, где достать пластинку «Bookends». Нужно найти денег и непременно купить ее сегодня. Если не хватит, попросить у Адама и Ивасэ. Они должны согласиться: это же для нашей ведущей актрисы.

– Ядзаки-сан, вы все время об этом думаете?

– О чем?

– О том, о чем вы накануне говорили с учителем Ёсиока.

– А-а, о Вьетнаме?

– Да.

– Не то чтобы думаю постоянно, но это всегда меня преследует. Например, в новостях.

– А вы много читаете?

– Да.

– Не могли бы вы дать мне почитать что-нибудь интересное?

Мне хотелось, чтобы этот холм перед школой тянулся вечно. Мне хотелось продолжать говорить и говорить с Кадзуко. Я впервые ощутил, как подскакивает сердце, когда идешь рядом с красивой девушкой.

– Вы, конечно, видели по телевизору, как студенты устраивают демонстрации и возводят баррикады? Мне это кажется совершенно иным миром, но в то же время я чувствую, что их понимаю.

– Неужели?

– Вы сказали, что Шекспир – глупость. Я тоже так считаю.

– Неужели?

– Таких людей, как Саймон и Гарфанкел понимаешь без труда. А с Шекспиром так не получается.

Мы уже подошли к школе. Я пообещал ей одолжить пластинку «Bookends», мы сказали на прощанье «Гуд бай» и расстались. Даже после расставания у меня было такое ощущение, что я иду по цветочному лугу.

Адама очень удивился, когда я предложил: «ЗАБАРРИКАДИРУЕМ ШКОЛУ». Я все еще находился под впечатлением слов Мацуи Кадзуко, сказавшей, что ей нравятся парни, которые возводят баррикады и устраивают демонстрации.

– Мы же обещали Масугаки что-то сделать. Не мешало бы как-нибудь посетить Нарасима и Отаки в Адзито, – сказал Адама.

ДАНИЭЛЬ КОН-БЕНДИТ

Над центром боевой организации, возглавляемой Отаки и Нарасима, висела надпись: ОБЪЕДИНЕННЫЙ ФРОНТ БОРЬБЫ УЧАЩИХСЯ СЕВЕРНОЙ ПОВЫШЕННОЙ ШКОЛЫ САСЭБО. Адзито находилась выше станции Сасэбо. Это не значит, что она была на втором этаже станции. В Сасэбо, как и в Нагасаки, многие улицы тянутся по склонам холмов. В Сасэбо имеется ровная береговая полоса вокруг извилистой, но удобной гавани, защищенной подступающими к ней горами. В этом единственном ровном месте находятся универмаг, кинотеатр, торговая улица и американская военная база. В каждом городе, где они есть, базам отведено самое лучшее место.

Агитационный пункт Объединенного фронта борьбы учащихся Северной повышенной школы размещался на втором этаже табачной лавки к северу от вокзала, туда вела дорога по крутому склону холма.

— Когда, наконец, кончится этот склон? — вытирая пот с лица, спросил Адама.

Девяносто восемь процентов населения Сасэбо живет на склонах холмов или на самом верху. Дети спускаются поиграть в город, а потом возвращаются домой, карабкаясь по холмам, усталые и проголодавшиеся.

Как и в большинстве табачных лавок, хозяйкой была старуха, про которую нельзя было точно сказать: жива она еще или уже умерла.

— Добрый день! — поприветствовали мы ее с Адама, но старуха и бровью не повела. Я решил, что она уже мертва. Адама предположил, что это хорошо выполненный манекен. Она даже не спала, а сидела, согнувшись и сложив руки на коленях. За стеклами очков были видны ее открытые глаза. Мы встревожились и решили дождаться, когда старуха наконец моргнет, но ее веки были такими набрякшими, что было непонятно, моргает она или нет. Под навесом крыши висели засохшие цветы космеи, напоминающие хризантемы. Ветер раздувал жидкие старушечьи волосы. В конечном счете, когда мы уже решили, что это или манекен, или мумия, ее веки опустились и снова поднялись. Мы с Адама переглянулись и улыбнулись.

Над главным входом висела табличка: «Центр по изучению экономики при Северной школе». Впрочем, вряд ли можно было бы назвать табличкой лист писчей бумаги, полинявший от дождей. Мы поднялись по лестнице сбоку от главного входа. Там было темно. «Почему в традиционных японских домах такое плохое освещение?» — спросил я, и Адама ответил, что это потому, что японцы комплексуют по поводу секса. Возможно, Адама и прав.

В помещении агитационного центра никого не было. В комнате размером в 12 татами на одной из раздвижных стен висели плакаты с портретами Че Гевары, Мао Цзэ-дуна и ТРОЦКОГО. На столе стоял множительный аппарат, лежали книги из серии «Иванами бунко», дешевая гитара, громкоговоритель и экземпляры газетенки группы борьбы за освобождение «Сясэйдо» как свидетельство того, что члены студенческого Комитета самоуправления Нагасакского университета поддерживали их и иногда участвовали в местных оргиях.

— Выглядит весьма неприлично, — заметил Адама, окидывая взглядом разобранный футон, подушки и смятые бумажные салфетки на полу.

Возможно, причиной тому было плохое освещение домов в японском стиле, но агитационный пункт радикальной группы выглядел весьма сомнительно. Наличие футона свидетельствовало о том, что Отаки и Нарасима с соратниками часто оставались здесь на ночь. В группировку Отаки входили некоторые старшеклассники, хотя и не из Северной повышенной, а из коммерческого колледжа. Трудно представить что-либо более непристойное, чем разрытый футон, подушки, разбросанные бумажные салфетки и девушки из коммерческого колледжа.

Минут через десять появился Ивасэ, вспотевший, с тремя пакетами кофе с молоком. Я выпил свой кофе, хотя мне не хватало булочки. Ивасэ взял дешевую гитару и начал на ней играть мелодию «Иногда я чувствую себя сиротой». Со времен Элвиса и Кобаяси Акира местные ребята не представляли себя без гитары. Те, кто не мог приобрести нормальную гитару, ограничивались гавайской четырехстрункой. Кроме гавайской музыки, на ней ничего исполнять невозможно. Вот почему на какое-то время эта самая гавайская музыка и вошла в моду. Электрогитары стали популярными, когда я еще учился в средней школе. Гитары «Tesco», усилители «Guyatone», барабаны «Pearl», а инструменты вроде «Gibson & Fender», «Music Man» или «Roland and Paiste» существовали для нас только в иллюстрированных журналах. После того как бум «Ventures» закончился и наступила эпоха «Beatles» и прочих групп, ориентирующихся на вокальное исполнение, все желали слушать полуакустические мелодии в духе «Rickenbacker» Джона Леннона. Когда стали популярными антиправительственные и антивоенные мелодии, фирма «Yamaha» выпустила партию новых и вполне приемлемых для зонгов гитар, которые всем пришлось по нраву. Однако в агитационном центре была не «Yamaha», а «Yamasa» – название, кстати, больше подходило бы для быстрорастворимого супчика. Ивасэ спел под нее «Иногда я чувствую себя сиротой», а потом – «Колыбельную Такэда». Вероятно, он выбрал их потому, что для каждой требовалось не более двух-трех аккордов. Очевидно, эти две грустные мелодии вогнали его в меланхолическое настроение, и Ивасэ спросил:

– Вы оба после школы собираетесь в университет?

Тогда Адама еще собирался поступать на медицинский факультет государственного университета, но я думаю, он не представлял, что это практически невозможно. Я точно не помню, какими были в то время мои планы, но, видимо, я вообще об этом не слишком задумывался. Тогда я уже попал в категорию людей, которые вообще не думают о будущем. Однако это не значит, что меня не волновало, что мои оценки все время ухудшаются. Это меня тревожило. Мне совсем не хотелось запороть экзамены. Это при том, что в 1969 году провалиться было большим развлечением. Студенты повышенной школы даже издали книгу с заявлениями против университетского образования. В журналах японские хиппи изображались рисующими свои яркие картины на голых телах женщин, окутанных дымкой. В демонстрациях непременно принимали участие смазливые девицы. Женщины были центральным моментом. Причиной страха перед провалом была перспектива остаться тогда без телки. И это не из-за желания обрести жену, поскольку число невест было безграничным. Парни просто не могли жить, если не получали подтверждения, что нравятся девицам.

– А ты что собираешься делать, Ивасэ? – спросил Адама. Ивасэ учился в классе, где почти никто не собирался поступать в университет.

– Не знаю, – ответил он. – Думаю, что в университет мне не попасть.

Потом он спросил о моих планах.

– Я тоже не знаю. Я мог бы пойти в художественный колледж, но, скорее всего, пойду на филфак... Впрочем, я еще не решил, – ответил я.

– Ты счастливчик, – сказал Ивасэ, беря на гитаре ля-минор. – У тебя много талантов. У Адама тоже хорошая башка. А у меня ничего нет, – грустно добавил он, продолжая брэнчать на гитаре ЛЯ-МИНОР. Тогда я забрал у него гитару и взял соль.

– Ивасэ, перестань молотить чушь, – бодро сказал Адама, попивая свой кофе с молоком. – Откуда ты знаешь, что у тебя нет никаких талантов? Вспомни Джона Леннона. Что он писал в журнале «Музыкальная жизнь»? Что его считали совершенно бесталанным ребенком.

Эти слова взбудрили Ивасэ. Он опустил глаза, рассмеялся и покачал головой.

– Понимаю. Все ясно. Тем не менее вы оба останетесь моими друзьями, даже после того, как окончите университет?

И мне, и Адама стала понятна причина его грусти. Мы с Адама становились все ближе, и он чувствовал, что отходит в тень. До того как мы с ним встретились, Ивасэ был заурядным, простоватым парнем из футбольной команды, которого обожали полные уродины. После того как он стал нашим другом, Ивасэ начал читать поэзию Татихара Додзо, слушать Колтрейна, перестал гоняться за уродинами и ушел из футбольной команды. Но не я изменил его отношение к жизни. Я был лишь одним из его приятелей. Я только познакомил Ивасэ с поэзией, джазом и поп-артом. Ивасэ окунулся в них потому, что никто не мог ему в этом помешать. Теперь зачастую он лучше меня разбирался в джазе, поп-арте, театре андерграунда, поэзии и кино. Он всегда был моим первым сообщником. Но после того как к нам присоединился Адама, он, вероятно, стал считать, что его роль слишком неопределенная и его единственной функцией является покупать для нас с Адама кофе с молоком.

Ивасэ выглядел совсем одиноким, когда спросил: «Вы останетесь моими друзьями?» Таким подавленным я давно его не видел, разве что когда мы были в первом классе. Тогда у нас был учитель классического японского по имени Симидзу. Он был мерзким типом, лупил нас по голове деревянной линейкой, если мы не справлялись с контрольными: один удар за семьдесят баллов из ста, два удара – за шестьдесят, три – за пятьдесят, четыре – за сорок. Ивасэ и еще пара учеников всегда получали по четыре-пять ударов. В конце второго семестра Симидзу объявил: «Учебный год подходит к концу. Если я буду вас правильно бить, мы не успеем пройти весь учебный материал. Поэтому отныне я буду наказывать вас не больше, чем четырьмя ударами». Все страшно обрадовались, но самые слабые студенты напряглись. «Тебе повезло, Ивасэ», – сказал он возвращая ему контрольную. Было понятно, что у него менее сорока баллов, и все рассмеялись. Ивасэ потупился и улыбнулся, но потом я видел, какое отчаяние было на его лице. Тогда я подумал, что для Ивасэ было бы лучше получить удары линейкой, чем вообще быть списанным со счетов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.